

Горный ветер прошёлся мимо и тронул пряди волос, взъерошив их.

— Иди сюда, — позвал Хо Лин и указал на закопчённый ствол дерева. — Посмотри вот на эти зарубки.

На верхней части коры были нацарапаны несколько крестиков, а ниже пара горизонтальных чёрточек.

— Эти кресты обозначают количество людей. А чёрточки - число листочков у найденного женьшеня, — объяснил Хо Лин.

Янь Ци придвинулся ближе, присмотрелся и пересчитал вслух:

— Семь крестов и четыре чёрточки... Значит, семь человек выкопали один корень женьшеня с четырьмя листьями?

Хо Лин кивнул:

— Верно. Такой женьшень называют «четырёхлистным», или «женьшень четвёртого порядка». Ему минимум лет пятьдесят. А если у него пять листьев - это «пятый порядок», не меньше сотни лет. С дедовских времён только и слышал про такие, сам ни разу не видел.

Он провёл рукой по обугленной коре, будто вспоминая:

— Этот знак оставил мой отец. Он был сань-батоу, бригадиром у той партии, что нашли тот корень. С той добычи и началась у них настоящая жизнь - на те деньги они и дом внизу построили, и землю купили.

Горцы копят кору, чтобы на ней можно было выцарапать знак, так надписи держатся лучше. Но с тех пор прошло много лет, и сейчас зарубки стали еле заметны, почти стерлись временем.

— После того случая, — добавил Хо Лин, — здесь больше ни разу не находили женьшень четвёртого порядка. По крайней мере, на рынке в городе Баоцзя о таком не слыхивали.

Неожиданно оказалось, что это место связано со свекром, которого он ни разу не видел. Янь Ци задумался и вновь спросил:

— Этот знак... его оставили, чтобы потомки могли найти?

Хо Лин покачал головой:

— Не для потомков, а для будущих ганьшанькэ, тех, кто будет и дальше ходить в горы за женьшенем.

Он указал на лесную подстилку у подножия дерева:

— У нас в горах есть правило: «большое берут, малое оставляют». Когда выкапывают женьшень, его семена не трогают. Если в таком месте уже однажды вырос женьшень, то спустя десятки лет здесь появится ещё один.

Янь Ци понизил голос:

— Можно я скажу глупость, только ты не смейся...

— Говори, — Хо Лин смотрел на него с улыбкой.

— Раз уж это такая выгодная вещь, зачем тогда оставлять отметки, которые каждый может понять? Почему не сделать свой тайный знак, чтоб никто, кроме себя, не разобрал? Придёшь потом, да и выкопаешь ещё раз...

— И чего ж тут смешного?

Увидев, как прядь волос вот-вот упадёт Янь Ци на глаза, Хо Лин аккуратно поддел её мизинцем и убрал в сторону.

— Я понимаю, о чём ты. Не только женьшень, даже если в горах кто-то нашёл поляну с грибами или дикорастущими овощами, он никому о ней не скажет, если человек не из близких.

— Но у нас, тех, кто по горам ходит, свои законы, — Хо Лин сказал это с особой серьёзностью.

— В деле выкапывания женьшеня всё держится на одном правиле: предки сажают деревья, потомки отдыхают в тени.

Он продолжил, его голос стал мягче:

— От семечка до корня, который можно будет выкопать, проходит столько лет... Часто к тому времени, как он созреет, того, кто его нашёл, уже и в живых нет. Так что какой смысл всё утаивать? Оставляют метку: кто бы её потом ни увидел, хоть ты сам, хоть дети, хоть и вовсе посторонний человек, если судьба привела, значит, заслужил.

Янь Ци слушал, не отрываясь. В каждой профессии свои законы и тонкости. Он снова взглянул на чёрную, потрескавшуюся кору дерева с надписями, и в глазах у него появился новый, уважительный блеск.

Дальше они углубились в лес. В глухой чаще и дороги-то как таковой не было, разве что звериные тропы, с примятой травой и звериными следами.

— Осторожно, — сказал Хо Лин, — держись за руку, ступай по камням.

На пути им встретился бурлящий ручей. Уже не такой, как у их дома, этот был уже и шумнее, и обрывистей. Через него в воду были брошены несколько крупных камней. Янь Ци крепко сжал руку Хо Лина и, балансируя, перепрыгнул на другой берег.

— Через пару месяцев в воде здесь заведутся травяные лягушки, — обернулся Хо Лин и спросил с интересом: — Ты раньше видел таких?

Увидев, как Ян Ци растерянно покачал головой, Хо Лин пояснил:

— На самом деле это такая лесная букашка... Ну, не совсем букашка, насекомое с лягушкой вперемешку. Если не боишься, то и хорошо. Когда приходит сезон, на большом рынке многие продают сушёных древесных лягушек: вешают на верёвочку, и в целой связке штук двадцать сразу.

— Некоторым на это даже смотреть страшно, на рынок не пойдут. У нас старшая невестка боится. Говорит, пока живые, и липкие, и визжат, а высушишь - ещё хуже: как жук здоровенный. Бр-р.

Ян Ци удивлённо спросил, не лекарство ли это. Когда выяснил, что это едят, тушат или варят суп, изумился ещё больше:

— А раз невестка смотреть боится, есть-то хоть может?

Хо Лин усмехнулся:

— Вот уж угадал. Боится, но ест за обе щёки. Говорит, как только в котёл попало, всё, уже не страшно. Готовое же вкусное, просто вид такой.

Янь Ци засмеялся, глаза заулыбались:

— Прямо как моя бабушка. Змей до смерти боялась. А как-то отец с дядькой принесли с гор змею, приготовили, она за обе щеки уплетала! Говорит, мол, раз разварилась, значит, мягкая, ей самое то. А когда спросили, не боится ли, она ответила: "Варёное уже мясо, чего бояться?"

Горная дорога шла то в гору, то вброд через ручьи, но они не спешили, Хо Лин шагал медленно, да и разговор был весёлый. Когда рядом кто-то есть, с кем можно перекинуться словом, посмеяться, путь уже не кажется утомительным.

— Вон там впереди целая поляна «обезьяньих ножек», — сказал Хо Лин. — Я каждый год сюда прихожу, но в этом году первый раз добрался.

Он провёл Янь Ци мимо нескольких деревьев, и перед ними открылся пологий склон, где из земли торчали прямые стебли дикого папоротника. На концах у них были ярко-зелёные, свежие, плотно закрученные спиральки. В родных краях Янь Ци таких трав не встречал, поэтому с интересом наклонился, протянул палец и аккуратно потрогал закружённый кончик. Оказалось, на ощупь он пушистый, словно в лёгком ворсе.

— А как это едят?

— С мясом жарят или холодной закуской делают. С дикими травами обычно всё просто, — ответил Хо Лин.

Он снял с плеч корзину и рукавом вытер пот со лба. В апреле в горах уже ощущалось настоящее тепло. Одежда у них была плотно застёгнута, чтоб клещи не залезли, вот и вспотел.

— Это, скорее всего, только в горах растёт, да ещё на сырых участках. В сухом месте не выживет.

Он стал показывать, как собирать: побеги папоротника не надо выкапывать, их просто отщипывают от основания рукой.

Они вдвоем присели на корточки и стали собирать побеги, вокруг слышался лишь звонкий хруст ломающихся стеблей. Здоровяк устроился поудобнее в сторонке, уши у него то и дело шевелились, будто он был на посту - важный и сосредоточенный.

Папоротник был очень нежный, отщипывать его сущий пустяк. Чтобы не помять в корзине, они собирали траву в охапки, перевязывали травинкой, и укладывали плотно, одну связку к другой.

Для Хо Лина такое занятие было почти что отдых. Он сказал Янь Ци, что если тот устанет, пусть отдохнёт, а он сам продолжит.

— Если долго сидеть на корточках, спина заболит, — отозвался Янь Ци, подумав о причине своей вчерашней боли в спине... и молча сорвал ещё пучок травы.

— Работа-то пустяковая, я не устаю. Я с тобой.

Хо Лин ничего не сказал, но стал собирать быстрее.

— Здоровяк, будешь?

Когда вся поляна была собрана, прошло порядочно времени. Янь Ци, глядя на полную корзину папоротника, выдохнул с чувством удовлетворения. Он поднял один выпавший стебелёк и дотронулся им до носа пса. Тот чихнул, потом повернулся, схватил палку и радостно притащил играть с ними.

Тогда Хо Лин и Янь Ци начали по очереди тянуть за один конец ветки, а Здоровяк вцепился в другой, яростно отступая назад. Стоило кому-то из них не удержать, как палка выскакивала из рук, и пёс с восторгом начинал лаять на неё, будто победил в великой битве.

— У Здоровяка и глаза уже совсем зажили. Завтра бы его вымыть, — предложил Янь Ци.

Он давно хотел вымыть Здоровяка. Пёс здоровенный, и запах псины с него всё равно шёл. Им с Хо Лином собака была в радость, но раз пёс теперь в дом ходит каждый день, то чистота точно не помешает.

— Тогда я завтра пораньше вернусь, и вместе его вымоем, — согласился Хо Лин.

Янь Ци почесал шею сзади, будто зачесалось что-то. Услышав ответ Хо Лина, он спросил:

— А мы завтра не пойдём в горы?

— Каждый день ходить - это ж умяться можно. Если тебе хочется, будем ходить через день.

Он посмотрел туда, где Янь Ци только что почесал. Не глядя можно было и не заметить, но приглядевшись, Хо Лин сразу увидел: к шее только что присосался клещ.

— Не шевелись, — сказал он, и ловко выдернул тварь. Не раздумывая, тут же раздавил её пальцами.

— Эти клещи будто везде, — недовольно пробормотал Хо Лин.

Обычно, когда такие прицеплялись к нему самому, он не придавал большого значения. Но теперь, увидев мерзкое насекомое на коже Янь Ци, Хо Лину и раздавить его показалось мало, словно этого всё равно было недостаточно.

— Дай я ещё посмотрю, не залез ли куда, — сказал он и осторожно надавил на затылок Янь Ци, чтобы тот наклонил голову, а затем чуть оттянул ворот одежды вниз.

На счастье, мешочки с травами, видимо, действительно помогали - больше клещей не было видно.

— Когда вернёмся, снимем одежду и друг у друга хорошенько всё проверим, — добавил он.

— Угу, — тихо откликнулся Янь Ци, но Хо Лин тут же заметил, как тот чуть смутился, и нарочно усмехнулся:

— Чего это ты? Не туда мысли побежали?

— Ничего я... — забормотал Янь Ци, опуская глаза и пытаясь отвернуться, но Хо Лин перехватил его за спину и мягко повернул обратно лицом к себе.

Свет в лесу был особенный - неяркий, рассеянный, как будто над головой вместо неба тянулся сплетённый из ветвей и листвы зелёный шатёр. Солнечные пятна плясали по земле, но жары не чувствовалось.

Мужчина наклонился, но лишь поцеловал гера в ушко.

На свету хорошо было видно, как по краю уха золотится тонкий пушок. Сравнить с папоротником, может, слишком уж грубо, но следует признать - да, такой пушок и правда заставлял сердце дрогнуть. Так что захотелось укусить.

Передохнув немного, Хо Лин решил сходить посмотреть, не дали ли росту знакомые с прошлых лет кусты дикого остролиста. По пути им повезло: наткнулись на пучок дикого горного сельдерея. У этой травы был особый аромат, который ни с чем не спутать - пряный, свежий. Даже на расстоянии он отчётливо ощущался.

— Лучше всего с ним лепить пельмени, — сказал Хо Лин, отщипнул пару листиков, понюхал и чуть не сглотнул слюну.

— Да вот только сейчас уже тепло, мясо на гору с собой не потащишь, не доживёт до вечера. А то бы взяли, и я бы тебе пельмешек с сельдереем и мясом налепил.

Янь Ци присел на корточки, рассмотрел корешки травы:

— А если мы выдернем вместе с корнем и пересадим у дома? Будем поливать, вдруг приживётся? Тогда к отъезду вниз выкопаем, и я дома тебе таких пельменей наделаю, что пальчики оближешь.

Хотя можно было бы и подождать и за пару дней до спуска с гор снова прийти да поискать ещё горного сельдерея, но с добычей в горах никогда нельзя быть уверенным. Сельдерей не то что папоротник или дикий амарант, ему не свойственно расти целыми зарослями. Тут пучок, там пучок, всё разбросано.

Янь Ци добавил:

— А если и не приживётся, не страшно. Завянет, так выкопаем, да я подумаю, может, сделаю пельмени с одной зеленью.

Он многого не умел по сравнению с Хо Лином, но готовил хорошо. Потому, стоило Хо Лину чего-то захотеть, он всякий раз стремился побыстрее исполнить.

— Хорошо, попробуем. Ничего ж не стоит, — Хо Лин, понимается, не стал отговаривать. Он достал мотыгу, аккуратно подкопал кустик. Тот вышел с корнем и целым комом земли.

— Если потом в горах ещё где увидим, тоже выкапывай. Даже если дома съесть не успеем, можно на рынок отнести. Внизу такое редко где найдёшь.

Янь Ци кивнул:

— Верно. Чем реже, тем больше городские этого хотят.

— Точно, — откликнулся Хо Лин. — У кого карманы полны серебра, тем наоборот подавай дичь да горную зелень.

Дикий горный сельдерей тянулся вверх тонкими, но бодрыми стеблями, верхушки были покрыты мелкими пышными зелёными листьями, всё растение выглядело жизнерадостно и радовало глаз.

Каждый нес уже по полной корзине зелени. Они прошли по горной тропе ещё пару поворотов, поднялись на два пригорка и наконец увидели три дерева с молодыми побегами аралии. С первого взгляда дерево выглядело как голый сук, весь утыканный колючками. Только на самых концах веток пробивались нежные ростки - зелёные пучки, чуть напоминающие молодые побеги цедрелы.

— Всё ещё маловаты, — прикинул Хо Лин, измеряя пальцами. — Сейчас срывать только зря переведём.

Янь Ци кивнул:

— Вот и ладно, тогда в день перед тем, как спускаться в деревню, снова сюда поднимемся и соберём.

Почки аралии - самая дорогая из всех дикорастущих растений. И если она окажется вялой или несвежей, цену за неё собьют, и будет убыток.

<http://bllate.org/book/13599/1205884>